

Величко А.М.,
доктор юридических наук

Империя и национальное государство (некоторые исторические аспекты развития одной политической идеи)

*«Империя - это мир»
император Франции Наполеон III*

*«Традиция сама по себе никогда не
исчезает, меняется лишь способ ее
передачи»
архимандрит Георгий (Шестун)*

I. Спор о титульной нации

Есть несколько аксиоматических утверждений, которые непредвзятый ум должен принять в качестве истинных. Одним из них является тезис о том, что в этническом отношении ни одно государство не является собой механическую совокупность людей. Как явление органическое по своей природе, всякое политическое общество создается *титульной* (государствообразующей) *нацией* и существует до тех пор, пока этот источник не иссякнет. Одна и та же нация может создать несколько государств, как, например, германская, греческая, русская, арабская. Но в истории нет, и не может быть государства, существующего без своей титульной нации.

Наверное, типичным и редким исключением выступают США, но и здесь далеко не все однозначно. Действительно, Североамериканский континент осваивался невообразимым множеством различных народов и народностей. Но едва ли кто-то станет отрицать тот факт, что первоначально главенствующую роль в так называемых «американских штатах» играли англичане. В последующем США заселяли главным образом представители европейской цивилизации, чьи вероисповедание, понятия государства, права, семьи и остальные ценностные категории, христианские в своем существе и формах, не разнились между собой. Да, до американской нации в момент провозглашения в 1776 г. Декларации независимости было еще очень далеко, но «отцы-основатели» уже смело противопоставляют «братьев-англичан» «народу колоний»: «Мы вынуждены признать неотвратимость нашего разделения и рассматривать их, как мы рассматриваем и остальную часть человечества, в качестве врагов во время войны, друзей в мирное время». Так рождалось понятие «американский народ». В любом случае, едва ли кто-то станет оспаривать тот факт, что сегодня американская нация существует и является титульной для США.

Все остальные исторические примеры совершенно бесспорны. Начиная с древнейших времен, мы видим один и тот же неизменно повторяющийся процесс: как только народ осознает себя единым целым, ведомым одним духом, он превращается в нацию, создающую государство. Государство возникает там, где люди одной общности *научились жертвовать* частью своего во имя высшей идеи, там, где сознание человека выросло до абстракции «политический союз», с которой связаны понятия «общего блага» и «справедливости». В изучении политической истории человечества нам открывается неизменно повторяющаяся удивительная картина: чем большим готов пожертвовать человек во имя высшей идеи, чем возвышеннее и содержательнее она, тем прочнее и величественнее становился то государство, которое было им создано. Эта мысль хрестоматийно выражена одним из блестящих представителей православной политической философии: «Что такое государство? – Союз свободных нравственных существ, соединившихся между собой с пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами Закона нравственности, который составляет необходимость их бытия»¹.

Едва ли сегодня кто-нибудь станет оспаривать следующий тезис: любое и каждое современное государство потому обладает неповторимой индивидуальностью, что большинство его граждан принадлежит к определенной нации и оно, как следствие, является носителем конкретной национальной культуры.

Конечно, создание своего политического общества по силам далеко не всем. Существовало и поныне существует множество народов, связанных общими родственными узами, языком, культом, обычаями и территорией обитания. Но так и не создавших своего политического союза. Между тем, без государства человек существовать не может - это аксиома политической философии. И если какой-либо народ не способен к самостоятельному политическому бытию, он неизбежно входит в состав другого государства и либо ассимилируется, либо сохраняет определенную автономию.

Титульной нации нередко, и особенно в консервативном сознании, придается столь высокое значение, что такой выдающийся ум, как *Л.А. Тихомиров* (1852-1923) определял причиной упадка великой Византии отождествление народа и Церкви и утрату вследствие этого государством своего национального начала². Насколько он прав, нам придется разобраться в соответствующем месте. Но есть и обратная точка зрения, согласно которой титульной нации - центральному понятию, стержню суверенного государства, вообще отказано в праве на существование. Оглядываясь на события последних десятилетий, трудно отделаться от небезосновательных

¹*Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне с французами 1812 года// Святитель Филарет, митрополит Московский. Слова и речи. В 4 т. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. С.129.*

²*Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С.147-150.*

ощущений, что те прописные истины, которые изложены выше, оказались сегодня совершенно забыты. Титульная нация не просто отставлена на задний план в современных политических доктринах и повседневной политической практике, с ней упорно *борются*.

Однако сегодняшней процесс *денационализации* современных европейских государств, процесс, вымывающий национальную культуру и превращающий политическое бытие великих народов в хаос и анархию, едва ли может быть занесет в актив нашей цивилизации. В отличие от носителей национального сознания, мигранты-инородцы, как правило, не связаны никакими узами и традициями со страной своего нынешнего обитания. Более того, в массе своей они не желают ассимилироваться – этот факт настолько общеизвестен, что не требует доказательств. Маргиналы по своей сути, они готовы приобрести *права* титульной нации, но совершенно не желают нести тяготы и повинности, без которых нет и прав: ведь права и обязанности нераздельны и по существу являют собой две стороны одного чувства долга и любви к Родине. Вчера еще «униженные и угнетенные» инородцы, спаянные воедино в своих национальных анклавах, вскоре становятся *элитарной группой*, легко эксплуатирующей принцип равенства людей и общности прав во имя собственных выгод. Можем ли мы удивляться тому, что отношение к ним со стороны коренных уроженцев того или иного государства, мягко говоря, не вполне дружелюбно?

Как следствие, самые передовые страны Европы переживают сегодня тяжелейший кризис из-за того, что слишком преданы «интернациональным» принципам организации своего бытия, которые ошибочно выдают за «общечеловеческие» и связывают с «правами человека». Современные политики и теоретики видят врага в единственном союзнике – национальном самосознании и религиозной основе своего народа. И с упорством сумасшедшего семимильными шагами уничтожают его.

Идея всего преходящего, иными словами, *идея прогресса*, отрицающего прошлое и традиции, призвана добить поверженного врага. Утверждается, что в природе нет и не может быть ничего абсолютного, все условно. Абсолютна как голая абстракция только свобода – альфа и омега всех научных построений и политики (по крайней мере, официальной). А ее содержание разнится в зависимости от времени и места – это новая аксиома современной философии и политологии. Но, в отличие от общепризнанных и проверенных тысячелетиями истин, она не внушает доверия своей легковесностью и откровенной ложностью.

Ради принципа «свобода для свободы» стремительно и с невиданным упорством разрушаются естественные основания политического быта, проверенные веками. Странники «денационализованного» государства убеждены в том, что государство прошлых лет довлело над личностью, а его национальная составляющая грубо попирала принцип равенства людей и их свободу. Однако возникает закономерный вопрос: насколько денационализация современного государства устраняет излишнюю опеку власти над личностью? Увы, здесь нас ждет разочарование. Вопреки

обещаниям либералов столетней давности государство все активнее вмешивается в сферу личного интереса. Воспитание ребенка, распоряжение имуществом, трудовые отношения, вопросы литературы и искусства, спорт, промышленность, финансы – все это и многое другое стало уже привычным полем деятельности государственного аппарата.

Личность призывают бороться с государством, в ответ оно усиливает свой пресс. Преодоление политической власти единственно возможно через ее *десакрализацию*, уничтожение духовной основы всякого общественного союза, включая государство, признание его плодом рук человеческих. И тут же, как результат, само понятие «власть» мгновенно выхолащивается, размывается, принимает аморфное и условное содержание. Противостоя тенденции разрушения, подчиняясь инстинкту самосохранения, государство усиливает свой нажим на убивающее его общество, а оно в свою очередь все более и более пытается противопоставить государственному прессу «права человека». Это - титаническая борьба, вот уж поистине, «нелепая и беспощадная».

С точки зрения борца за «права человека», из этого тупика есть только один выход: уже не титульная нация, а само государство должно быть ниспровергнуто со своего пьедестала, оно начинает отрицаться. На смену ему призывают безгосударственное существование в форме международных конфедераций - мечта анархиста. Современные политологи убеждены в том, что даже «демократические» и всемогущие США играют роль *«переходной империей, судьба которой – быть акушеркой для демократически управляемой глобальной системы»*³.

Не случайно, в последнее время все чаще раздаются голоса: «Назад, к национальному государству!». Кажется, достаточно только очистить страну от инородных элементов, вычленив по принципу крови образовавший это государство этнос из общей массы, предоставить ему публичные преференции, и политический союз восстанет из пепла, а все беды разрешатся сами собой. В этом призыве кроется определенная правда – если «интернациональное» государство насчитывает от силы несколько десятилетий существования, то за спиной национального государства – обрамленная сединами вечность.

Однако и здесь все не так просто, как казалось идеологу российского православного консерватизма и представляется современным приверженцам национальной идеи. Если перейти от умозрительных построений к конкретным историческим примерам (а специалист по истории государства и права обязан апеллировать к фактам, а не руководствоваться собственными умозрительными предпочтениями), то легко обнаружится целый ряд уязвимых точек в данной доктрине.

В первую очередь, нужно вспомнить, что хотя национальный политический союз, как тип, пришел к нам из глубокой древности, но именно

³Гаррисон Джим. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. М., 2009. С.10

античный полис являет собой классический пример полного поглощения личности государством. Привычна и бесспорна мысль: «В античном государстве человек был орудием государства», но ее нужно уточнить – в полисе *все* было орудием государства, включая семью и религию. Подчинение семьи государству, как известно, обосновал Платон, религии – римляне.

Государство в античном понимании основывается, если можно так выразиться, на принципе «*положительного отрицания*». Античный человек боготворил свое государство, и, конечно, понимал под этим термином *политически организованное отечество*, давшее ему порядок, законы, культуру и чувство собственного достоинства. Наконец, помощь в обыденных ситуациях и внешнюю защиту. Еще *Платон* (427-347 до н.э.) полагал, что государство возникает в тех случаях, когда человек не в состоянии удовлетворить свои запросы и потребности. «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает название *государства*»⁴.

Аристотель (384-322 до н.э.) был совершенно солидарен с учителем: «Всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага. Все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим»⁵.

«Общее благо», «справедливость» - все это прекрасно, но получается, что вне *такого* государства ничего нет: личность растворяется в самодостаточной политической власти, а национальная исключительность совершенно не готова допустить рядом с собой никого другого. За «моим» государством пустота, вакуум. Античный грек хотя и признавал в гражданине другого города Эллады «человека цивилизации», однако испытывал к нему трудно скрываемое презрение и откровенную вражду. Что же тогда говорить о персах, египтянах и представителях других национальностей? Для грека они были просто *варварами*, потенциальными рабами, хотя восточная культура по своему многообразному содержанию едва ли уступала эллинской.

Мы помним, с каким великим трудом грекам удалось объединиться для отражения персидской угрозы. И как они ничего не смогли противопоставить мощной экспансии Рима. Эллина, создавшие великую греческую цивилизацию, разменяли свой политический талант на сотню мелких полисов, погрязших в перманентной войне друг с другом. Это уже не реализация национальной идеи, а попросту «*местечковый национализм*», тоталитарный и саморазрушительный.

⁴*Платон*. Государство//Платон. Сочинения. В 3 т. Т.3 (1). М., 1971. С.145. 369с.

⁵*Аристотель*. Политика//Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4. М., 1983. С.376. 1252а.

Кажется, сказанное относится исключительно к древнему прошлому – ничуть не бывало. Современное национальное государство столь же самодостаточно, как и его античный прообраз. Мы наблюдаем все тот же процесс поглощения личности – государство любит «своего» гражданина, но тот признается в этом качестве лишь в том случае, когда целиком и полностью «добропорядочен». Его мысли и помыслы должны быть понятны и соответствовать неким образцам, привитым в данном обществе, он не может не принадлежать к той же конфессии, что и вся нация, или, напротив, быть индифферентным к религии, т.е. *политкорректным* и толерантным. Такое государство так же подозрительно к инородцу, как и его древний прообраз, и ведет упорную борьбу за то, чтобы выставить того человеком «второго сорта». Иными словами, современное национальное государство столь же тоталитарно, как и античный полис.

Примечательно, что созданные в результате развала СССР и социалистического лагеря «новые национальные демократии», как одна, проводят политику, описанную выше, хотя формально и исповедуют иные принципы. Античные национальные полиции могли существовать только за счет жесткого противопоставления: или свободный гражданин или раб. Современные национальные государства с такой же легкостью относят к «настоящим» гражданам исключительно соотечественников и с великим нежеланием предоставляют инородцам частицы публичных прав коренных жителей. Не удивительно, что сегодня повсеместно национальное государство ассоциируется с чем-то косным и отсталым.

Как видим, любое национальное государство весьма слабо адаптировано к процессу ассимиляции представителей иных народностей. Оно рождено, чтобы существовать и, если не повезет, завершить бытие в качестве закрытого анклава, «цивилизованного племени», упорствующего в своей национальной исключительности. Век национального государства недолог – история без труда предоставит сотни и тысячи примеров на этот счет. А тоталитарное подчинение интересов личности общенациональным интересам, частного целому, замораживает развитие индивида, убивает в нем Божественную искру, ограничивает его сознание жесткой установкой «свой-чужой». Понятно, что существуют известные отклонения, не меняющие, тем не менее, общей оценки.

Отсюда следует нелицеприятный вывод: если политическая история чему-то и учит, так это тому, что национальное государство обречено на второстепенное существование и даже, возможно, скорую гибель; оно *бесперспективно*.

II. Византия - Священная Римская империя

Есть ли какая-то альтернатива этим двум диаметрально противоположным политическим построениям? Безусловно. Затронув античные времена, мы до времени отложили в сторону тот факт, что национальное государство было не единственным изобретением

политической мысли древности. Следует, без опасения прослыть ригористом, заявить, что все прошлое человечества представляет собой историю развития имперской идеи. Более того, империя – это *основной тип* политического устройства государств, известных нам с древности.

Многотысячелетняя история демонстрирует нам постоянные картины неоднократных попыток преодоления национальной самоизоляции отдельных народов и построения *имперских держав*. Только в условиях имперского бытия понятие титульной нации неожиданно получает качественно иное содержание, а озвученные проблемы свое разрешение.

Первые примеры этих попыток нам дарит Восток: Хеттская империя, Египет, Израильское царство (в известной степени), Ассирия, Вавилон, Персидская держава, государство Александра Македонского. Они первыми перешагнули границы для объединения иных народов в рамках единой *вселенской империи*. Однако, в конце концов, потерпели неудачу по одной и той же причине – не смогли преодолеть собственной национальной исключительности.

Это продолжалось до тех пор, пока на авансцену истории не выступил Рим. Первоначально в понимании древнего римлянина государство также отождествлялось исключительно с его народом, и он с величайшим терпением отделял нормами права римлян от союзников, перигринов и варваров. Но уже во время 2-й Пунической войны в минуту великой опасности Римский сенат пошел на беспрецедентный поступок: он дал права гражданства 8 тыс. молодым рабам, добровольно записавшимся в действующую армию⁶. Эта был настоящий переворот в политическом сознании того времени - первый, но не последний.

Вслед за этим стоики и великий правовед Рима *Цицерон* (106-43 до Р.Х.) пришли к важному выводу, что государство может быть только *всемирным*, и это государство - Рим. Нет, конечно, конкретные прагматики, они не спорили с действительностью и соглашались, что помимо Римского государства существуют еще и иные. Однако в их понимании остальные политические союзы относились к Риму как отдельные дома ко всему городу, как часть к целому⁷.

Вполне в духе традиционной античной философии Цицерон считал, что государство (*res publica*) представляет собой общество, имеющее общую власть и закон. Но для него государство уже не народ Рима, а нечто более широкое - союз людей, соединенных общими интересами и законом. «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов». При этом, важная особенность, он полагал, что государство - не абсолютный человеческий союз: выше его *все человечество*. Иными словами, государство – уже не отечество, но и не аппарат управления (эта современная

⁶Тит Ливий. Война с Ганнибалом. М., 1993. С.96.

⁷Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 1907. С.113, 114.

идея для римлянина выглядела абсолютно нелепо), а нечто иное, пока еще не раскрытое в своем содержании понятие.

Следующие слова Цицерона выглядят революционно для своего времени: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное. Предлагать полную или частичную отмену этого закона – кощунство; сколь-нибудь ограничить его действие недозволено; отменить его полностью невозможно. Нет и не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем. Нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей – Бог, Создатель, Судия, Автор закона»⁸.

Разнообразное обилие различных античных государств постепенно исчезало по мере того, когда Римская республика, перерождаясь в Священную Римскую империю, поглотила всех их в своих границах. Конечно, понятие «римлянин», единственно предоставлявшее своему обладателю полнокровные публичные права, еще довольно долго питалось главным образом из одного источника – чистокровных этнических римских семей. Но затем прагматичный римский ум пошел по пути *полного игнорирования* этнической составляющей, которая, действительно, перестала быть важной, и постепенно сделал понятие «римлянин» исключительно публичным.

В полном соответствии со своей имперской политикой Рим вскоре начал распространять (хотя и осторожно) статус римского гражданина на инородцев, главным образом, добровольцев, влившихся в ряды легионов. Сила имперского духа последовательно и быстро устраняла этнические различия между представителями титульной нации, коренными латинянами, и остальными подданными Империи. И в скором времени греки и сирийцы, германцы и фракийцы, исавры и копты, готы и авары, гунны и испанцы с гордостью стали говорить о себе, как о *римлянах*. Апостол Павел, «израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова» (Рим. 11, 1), «иудеяни, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе» (Деян. 22, 3), с гордостью называл себя римлянином и, когда иудеи пытались предать его смерти, требовал суда в Риме, как и положено полноправному гражданину (Деян. 22, 25).

Правда, количественная пропорция между гражданами и варварами все еще оставалась не в пользу римлян. Но в 212 г. император *Каракалла* (211-217) своим эдиктом признал *всех* свободных подданных Римской империи, включая варваров-переселенцев, римскими гражданами, преследуя, правда, фискальные цели и не задумываясь глубоко, к чему приведет его указ.

⁸Цицерон. О государстве//Цицерон. Диалоги. М., 1994. Книга 1, глава 25, книга 3, глава 17. С.20, 21, 64.

Тем не менее, этот исторический документ имел далеко идущие последствия⁹.

Титульная нация Римской империи не исчезла, и римляне, как обычно, отделяли себя от всех инородцев. Но теперь римлянами стали называть всех, кто признавал власть верховной имперской власти и проживал в границах данной державы. Это было поистине *вселенская Империя*, вобравшая в себя территории от Англии до Палестины по горизонтали, и от Вислы до Северной Африки по вертикали. Впоследствии, уже в XIX веке, восточные территории этой державы историки произвольно назовут «Византийской империей»; будем использовать это обозначение как синоним Священной Римской империи и мы.

В течение четырех столетий (с 224 по 651 гг.) сильнейшим врагом и конкурентом Рима являлась Сасанидская Персия. Она включала в себя несколько иных народов, но *уже* империей не была – страшный удар, нанесенный ей еще Александром Македонским, не прошел даром. Где-то еще далеко существовали Индия и Китай, но их влияние на Средиземноморье и территорию Европы и римский Восток было совершенно ничтожным. А остальные земли на Севере, Западе, Востоке и Юге кишели невообразимой смесью различных варварских народов, обитавших на границах Римской империи. Таким образом, единственным цивилизованным миром, *вселенной разума*, являлась исключительно Римская империя.

Несмотря на отказ от этнической составляющей своей титульной нации, римляне, тем не менее, не были столь «демократичны», чтобы искусственно уравнивать свою культуру с культурой покоренных народов. Их политические институты и социальная структура, правовые нормы и даже пантеон богов, разрешенных властью, довели над всеми пришлыми аналогами. Да, римляне допускали широкую автономию на местах, но лишь в определенных ими границах, дабы не подорвать основы своей государственности. И, как мы знаем, достигли в этом колоссальных результатов. Величайшие достижения в области права, культуры, медицины, финансов, торговли, мореплавания были открыты для 50 миллионов граждан, включая инородцев, от которых требовалось лишь одно – проявлять лояльность политической власти Империи и разделять бремя государственности. Уровень безопасности был таков, что от берегов Англии до Иерусалима путешественник добирался без опасения быть ограбленным или обманутым в пути.

Восхищение от Священной Римской империи было столь велико, что практически все могущественные варварские народы того времени – готы, гунны, кельты, авары, славяне, германцы всех колен, а также покоренные племена Средиземноморья, Северной Европы и Англии мечтали об одном – жить в ее границах. С теми из них, кто становился римлянином, проблем не возникало. Несколько сложнее обстояли дела с варварскими племенами, не

⁹Спасский А.А. Германцы, их быт и союзы//Спасский А.А. Лекции по истории западноевропейского Средневековья. СПб., 2006. С. 65.

желавшими разрушать свою социальную структуру, и которых вследствие их невероятно низкой по сравнению с римской культурой, само имперское правительство не торопилось признать согражданами.

Такие варвары становились «*foederati*» («федератами») Рима, союзниками, признавшими политическую власть императора, но не получившими права римского гражданства. Безусловно, они не собирались отказываться от своих традиций и обычаев, но, получив обетование на римских окраинных землях, оставались равнодушными к идее создания собственной государственности¹⁰.

Автономия – автономией, но требовалось еще найти средство для включения этих многочисленных групп варваров в социально-политическую структуру Империи. И конкретный римский ум, привыкший все систематизировать, легко справился с данной задачей: он включил вождей союзнических варварских племен в свою политическую иерархию. Не внутриплеменной титул «король», издревле бытовавший у германских народов, ставил вождя над соплеменниками – он был слишком аморфен по содержанию. Варварский король никогда не являлся носителем абсолютных полномочий, а всего лишь условным центром сосредоточения племенной власти, с которым солидаризировались некоторые роды и кланы, хотя и далеко не все. А свои *подлинные* права короли приобретали после получения римского государственного титула, ставящего его над соплеменниками. Само собой разумеется, они находились в границах тех возможностей, которые ему предоставила Римская империя и отеческие обычаи¹¹.

Однако идея *правового* равенства всех граждан Римской империи имела свои естественные пределы. Норма права должна содержать в себе некую основополагающую идею, оправдывающую смысл ее рождения и действия во времени и пространстве. Но в том-то и дело, что, достигнув вершины своего развития, языческая Римская империя утратила смысл собственного существования. Объединить под своей властью весь мир? Но для чего? Здесь-то и открылось поистине удивительное свойство империи – она могла существовать только в том случае, если в ее основе лежит не начало власти или права, а *религиозная идея*.

Человек той эпохи остро ощущал, что помимо юридического закона Империи был нужен *закон любви*. Безусловно, римская культура была великолепна, но требовалось нечто большее, чтобы собрать воедино все народы Империи, подчинив их не только единому закону, но и *единой нравственности*. И это большее не могло быть плодом рук человеческих, только Божественных. Римляне пытались создать общую религиозную основу для своего политического детища. Однако пантеон языческих богов, разрешенных римским сенатом, эта мозаичное и механическое скопление разнородных культов, лишь расшатало исконные нравственные принципы

¹⁰См., напр.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011. С.105, 106, 252.

¹¹Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. СПб., 2002. С.94.

самого Рима. Картины повсеместного, дикого разврата, в который впало римское общество накануне пришествия Христа, не нуждаются в комментариях.

Христианство, пришедшее на смену римскому пантеону прежних лет, влилось в имперские формы для того, чтобы явить чудо из чудес – Кафолическую Православную Церковь и православную Византию, как непосредственное творение Бога на земле. Это великое историческое событие дало новый жизненный импульс Римской империи, раскрыло смысл существования могущественнейшей державы, а также невероятно быстрыми темпами ликвидировало этнические границы, до времени все еще затруднявшие распространения римского гражданства от одного края государства до другого. Римская империя стала «пространством спасения» для всех народов Ойкумены, «свечой Православия», вне зависимости от того, как менялась ее территория. Византии была присуща *христианская* имперская идея «*translatio confessionis*» («трансляция веры»), вместо римской языческой «*translatio imperii*» («трансляция власти»). Это качество и предопределило ее величие и долголетие¹².

В VI веке император *святой Юстиниан Великий* (527-565) отлил отдельные разрозненные мысли в целостное учение об Империи-Церкви, сохранившее свою актуальность и органичность вплоть до наших дней. Как и для его современников, для святого императора было принципиально невозможно понимание Церкви и государства как два различных социальных образования. Ведь они полностью *совпадали* и в географическом смысле, и в общности целей, и по составу их членов. И если Богу угодно было объединить под Своим началом всю Вселенную, то эта *политическая* задача исторически была поручена Римской империи и императору. Поэтому Византийская (Римская) держава является единственной Империей, а Вселенная - «Римским миром» («*Orbis Romanus*») ¹³.

Вне Византии – область неверия, тьма. И перебежчик, ушедший к варварам-язычникам, как-бы исчезал из поля зрения Бога, переходил в небытие. Поэтому, кстати сказать, для византийцев совершенно немыслим такой типаж, как князь Курбский. Зато *внутри* государства все граждане полноправны и полноценны, как члены земной Кафолической Церкви, существующей в форме вселенской Римской империи¹⁴.

В результате возникла удивительная иерархия различных политических союзов, во главе (или на вершине) которой возвышалась Римская империя и, конечно же, Византийский император, как глава христианской Ойкумены.

¹²Боханов А.Н. Византия - навсегда!// «Имперское возрождение». №2. 2010. С.29.

¹³Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С.159, 160.

¹⁴Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности// Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005. С.336, 337.

Вокруг этого стержня столетиями вращалась вся внешняя политика христианских государств Востока и Запада¹⁵.

Порядок мира, созданного Богом, - факт чрезвычайно важный в глазах византийцев. Разумеется, он обнимал все сферы жизни византийцев и всей Империи. Ведь если Господь создал его, то кто осмелится его менять? Этот порядок регулирует и частную, и общественную жизнь. Основой общественного порядка выступает все тот же закон любви к Богу, а через Бога к ближнему своему¹⁶.

Сама общественная жизнь в представлении византийцев стала носить сакральный характер, и потому в обыденной жизни встречается множество понятий и терминов для обозначения общественных отношений, взятых из богословского лексикона. Римский император осуществляет *пронию*, т.е. печется обо всех подданных, как Христос о каждом человеком. Тем самым василевс уподобляется Богу. Принцип *«икономии»* («домостроительства»), обычно применяемый в церковной политике, столь же часто используется в государственном управлении. А понятие собственности вообще никогда не воспринималось византийцами исключительно как юридическое, ему также придавалось сакральное значение проявления Божественной энергии¹⁷.

Поскольку Римская империя является *Церковью в миру*, то, следовательно, все ее граждане – равны, как братья во Христе и как подданные Римского императора. Хотя в этническом отношении Византия представляла собой совершенно уникальное явление. Наиболее значительную часть населения составляли греки и эллинизированные местные жители. Латинское население Империи было распространено в Северо-западных районах Балканского полуострова, на Адриатическом побережье Балкан и вдоль Дуная. Очень многочисленную группу населения представляли собой иллирийцы, жившие на Северо-западе Балкан, иудеи и самаритяне. Нельзя не упомянуть также многочисленные группы македонцев, фракийцев, дакийцев, готов, коптов, лидийцев, гуннов, капподакийцев, цанов, кельтов, лазов, абазов, аланов, адыгов, черкесов, исавров, армян, сирийцев, арабов, бактрийцев, скифов, славян, болгар, венгров, испанцев, сербов, индийцев, арамеев, галатов, фригийцев, сарматов, скиров, герулов, гепидов, и представителей разветвленных племен германской крови, входившие в состав римской нации¹⁸.

Помимо этого на протяжении всего времени своего существования Византия принимала на себя многочисленные миграционные потоки. Государство пыталось их романизировать с разной степенью успеха. Но в целом этническая раздробленность страны никогда не угрожала ее

¹⁵Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С.65.

¹⁶Гийу Андре. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С.245, 246.

¹⁷Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009. С. 65-69.

¹⁸История Византии/ под ред.С.Д. Сказкина. В 3 т. Т.1. М., 1967. С.71-75.

культурному единству. Титульная нация, включавшая в себя сотни этносов, не растворилась в миллионах инородцев и окружавших государство варваров. Было три решающих фактора, скреплявших византийцев крепче, чем кровная связь: римская государственность, греческая культура и христианство¹⁹.

В Византии Церковь не подменила собой титульную нацию, а *создала ее*. Греческая культура, господствующая в государстве, и греческий язык объединили византийцев и обусловили появление того невероятного факта, что зачастую римлянином назывался малоазиат, говорящий по-гречески. Если культурное влияние давало сбой, его роль органично заменял фактор государственности. А если не спасало и единство политической власти, все решала Церковь. Разумеется, все три фактора могли поддерживать друг друга в иной конфигурации. Если возникали волнения в государстве, активно вмешивалась умиротворяющая Церковь, по-гречески увещевавшая спорящие стороны. А в случае церковных конфликтов *всегда* дело решала активная позиция политической власти. Византийская империя – это своего рода земной образ и явление Святой Троицы, единосущной и нераздельной.

Отныне и до конца существования Византии для признания человека полноценным гражданином государства имела значение уже не племенная принадлежность, а *факт нахождения его в правоверной Церкви и лояльность по отношению к верховной власти*. Достаточно сказать, что престол Византийских самодержцев занимали представители римских и греческих семей, фракийцы, испанцы, хазары, исавры, армяне, а также цари, в жилах которых текла германская, сербская и венгерская кровь. Но все они были Римскими царями со всеми вытекающими отсюда обязанностями перед Богом и Империей.

Всемирный характер Византийской империи и признание всех православных христиан подданными Римского императора не исключали, разумеется, того факта, что помимо римлян существовали еще и другие народы. Внутри государства, как правило, исключение составляли группы населения, не разделявшие церковную политику императора и официальной Церкви. Или вообще лица, принадлежащие к иному вероисповеданию: иудеи, мусульмане, язычники, христиане других конфессий. Политика Константинополя по отношению к ним не оставалась неизменной: в спокойные годы им не досаждали, хотя и ограничивали в правах. Если же они активно помогали врагам, с которыми Римская империя вела войны, то открывались настоящие (хотя и краткие) гонения. Обыкновенно такие группы населения считали за благо покинуть земли Империи и поселиться на территории персов, арабов или турок. Когда в Византии открылась иконоборческая политика, тысячи почитателей святых икон выехали в Италию, на которую власть Римского самодержца не распространялась.

Нельзя, конечно, сказать, что развитие имперской идеи в Византии происходило без жесточайших столкновений с национальным началом. Как справедливо отмечают, закрепившийся в V веке христианский универсализм

¹⁹Острогорский Г.А. История Византийского государства. С.64.

пробудил к жизни целый ряд провинциальных народов, никогда не знавших своей государственности или давно утративших ее ранее. Спустя два столетия горделивое национальное самосознание породило серьезнейший монофизитский и несторианский расколы, отторгнувшие от Кафолической Церкви многие египетские и сирийские территории. Верхом кризиса стала создание Поместных церквей по *национальному признаку* – обстоятельство, неслыханное ранее. И все же универсальный характер вселенского Православия, глубоко чуждый национальной исключительности, поборол эту болезнь²⁰.

С внешними народами все обстояло проще: они по определению являлись варварами, которые либо подлежали воцерковлению и принятию в «византийское содружество наций», либо истреблению. К варварам византийцы относили даже западных христиан, латинян, и, разумеется, не случайно. Если человек не способен жить в Римской империи, отрицает это детище Христа, то он варвар, и какая разница, идет речь о латинянах, славянах или арабах.

Более того, к западным христианам византийцы относились, пожалуй, иногда строже, чем к варварам. Ведь они приняли веру Христову из рук римлян, а затем покусились на монопольную политическую власть Римского императора, приняли на себя не принадлежащие им инсигнии, узурпировали прерогативы Византийского царя и его земли. Это равносильно тому, как добровольно низвергнуть себя из лона Вселенской Церкви, поскольку с православной точки зрения лишь император является подлинным владыкой мира.

Этим и объясняется тот факт, что даже в те времена, когда раскол Восточной и Западной церквей все еще не являлся официально признанным фактом, византийцы без стеснения именовали латинян еретиками и варварами. Дочь царя *Алексея Комнина* (1081-1118) Анна Комнин прямо называла западных христиан, проходивших через территорию Империи во время 1-го Крестового похода, «варварами-латинянами»²¹.

Безальтернативное существование Римской империи продолжалось вплоть до вандалов, захвативших Северную Африку, и остгота *Теодориха Великого* (454-526), завоевавшего Италию и желавшего образовать независимое *Готское королевство*. В отношении вандалов все было довольно просто – эти неутомимые грабители и насильники разоряли африканские земли и без устали истребляли римлян. Ни о каком соподчинении с Римской (Византийской) империей они даже и думать не хотели. И когда их король ответил императору св. Юстиниану Великому на его послание: «Василевс

²⁰ *Асмус Валентин, протоиерей*. Принципы богословского подхода к истории// «Исторический вестник». №9-10. Часть I. М., 2000. С.173.

²¹ *Комнина Анна*. Алексиада. СПб., 1996. Книга 10, глава 8. С.282.

Гелимер василевсу Юстиниану», т.е. как равный равному, война стала неизбежной²².

Гораздо сложнее обстояли дела в Италии, куда проникли остготы. Их вождь *Теодорих Великий* (470-526) подчинил римские политические институты своей власти, оставил на месте римскую аристократию, но повел корабль своей государственности в независимое русло. Вопрос легитимности своей власти в глазах итальянцев серьезно волновал Теодориха. Титул «король», «*rex*» оскорблял патриотические чувства итальянских римлян, как понятие, напрямую связанное с тиранической властью остготов. Поэтому Теодорих настойчиво проводил ту мысль, что его поход в Италию санкционирован Византийским императором *Зеноном* (474-475, 476-491), а сам он, принадлежащий к ветви остготской королевской династии Амалов, обладает высшим римским титулом *magister militum*²³.

Вроде бы, его действия не выходили за рамки традиционных отношений, но исподволь Теодорих начал обосновать ту мысль, что Римский василевс не является единственным сувереном и источником политической власти всех остальных правителей. Он являет собой лишь *образ*, которому должны следовать остальные правители, но сама королевская власть отнюдь не делегирована императором, а представляет собой самостоятельное целое. Это уже было заявкой на суверенитет остготов в Италии, хотя и основанный на римских политических понятиях²⁴.

Теодорих распространил свою власть на Италию, Сицилию, Прованс, Южную Галлию и Испанию. Северные границы его королевства протянулись по Рейну и Дунаю, восточнее доходили до Хорватии, Словении, Северной Сербии. За исключением Африки, оставшейся части Галлии и Балканского полуострова, все некогда римские земли Запада стали остготскими²⁵.

Великий остгот официально был признан в Константинополе правителем Италии, что, впрочем, не исключало двоякого толкования. Как лицо, принявшее власть от Римского императора, он являлся римским чиновником. Замечательно, что Теодорих так и не решился начать чеканку на монетах, которые имели хождение в Италии, собственного лика и имени. По-прежнему, на деньгах был изображен Византийский император. С другой стороны, он не собирался считать себя подчиненным Константинополю лицом. Вскоре Теодорих принял титул *Flavius Theodericus rex*, в котором первое слово прозрачно намекало на то, что отсутствие привычного для

²²*Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами// Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Война с персами. Тайная история. М., 1993. Книга I, глава IX. С.201, 202.

²³*Шкаренков П.П.* Королевская власть в остготской Италии по «*Vagiæ*» Кассиодора. Миф, образ, реальность. М., 2003. С.42-44.

²⁴Там же. С.56.

²⁵*Пфайльшифтер Георг*. Теодорих Великий. СПб., 2004. С.112.

императоров слова «*Augustus*» («Август») является досадным недоразумением²⁶.

Это временное состояние политической неопределенности закончилось довольно быстро. Осенью 534 г. римский полководец Велизарий разрушил Вандальское королевство и вернул эти земли Византийской державе. И хотя в скором времени Северная Африка была захвачена варварами, новые завоеватели не смогли или не решились создавать на этих территориях свои государства. Сходно проистекали события в Италии. Как только готы уверовали в собственные силы, они попытались выйти из подчинения Константинополя. Но святой император Юстиниан Великий не потерпел такой демонстрации неподчинения. Римские полководцы Велизарий и Нарзес в ходе 20-летней войны (534-555 гг.) разгромили остготов, навеки с тех пор исчезнувших со страниц истории.

Столетие меняло столетие, одна царственная династия уходила, чтобы дать дорогу другой, территория Римского государства постепенно уменьшалась в своих размерах, а на Западе возникали новые политические образования. Они находились в различных отношениях к Византии: от союзнических до откровенно враждебных. Пожалуй, в бесчисленной череде нельзя не упомянуть болгар, столетиями оспаривавших у Византии право называться титульной нацией Империи. Начало этому многовековому противостоянию положил Болгарский царь *Симеон* (893-927). Честолюбивый гений, «*полугрек*», как его называли современники, убежденный в превосходстве всего византийского, включая политическую философию, Симеон задумал стать хозяином Римской империи, включая и Болгарию. А для этого требовалось занять Константинополь и венчаться царским титулом «Римского императора»²⁷.

Лишь с великим трудом болгарская угроза была нейтрализована, а затем, уже при императоре *Василии II Болгаробойце* (976-1025) полностью устранена. Для нас эта историческая борьба двух православных народов интересна тем, что и болгары не мысли своего существования в границах национального государства.

Позднее, уже на закате Византийской империи, претензии на имперский титул заявили уже сербы. Их король *Стефан Душан* (1331-1355) уже давно лелеял мечту о создании Сербско-греческой империи на развалинах Византии. В течение почти 24 лет Сербский царь был занят исключительно Юго-востоком. Уже на первых порах Душан завоевал Македонию, а затем, используя смуты в Римской империи, захватил огромные территории, включая Албанию, Эпир, Фессалию, Акарнанию и Этолию. Стефан вступил в переговоры с Римским папой и был готов пойти на серьезные уступки, чтобы

²⁶Там же. С.80, 81.

²⁷*Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С.116.

только получить покровительство понтифика и ликвидировать угрозы своему государству со стороны католического Запада²⁸.

В 1346 г. Стефан Душан провозгласил себя «царем сербов и ромеев, болгар и албанцев», был торжественно коронован в этом сане Сербским архиепископом Иоанникием, которого затем произвел в патриархи, и завел двор в Скопье наподобие византийскому. В Сербии были введены византийские титулы и церемонии²⁹. Душан приблизил к себе представителей византийской знати, а греческий язык официально приравнял к сербскому – не случайно, многие грамоты и акты Стефана Душана написаны по-гречески. Вместе с Душаном была коронована на царство и его супруга Елена, а их сын провозглашен «кралем всех сербских земель». Мечтой Сербского короля была диадема Римского императора, а затем, уже вследствие этого (именно так, а не наоборот!) утвердиться в качестве легитимного правителя сербов, и создать новую сербскую династию на Византийском престоле. Но после его смерти вся эта затея канула в Лету – сербам явно не хватало имперского таланта для достижения поставленных честолюбивым Стефаном целей³⁰.

Однако, несмотря на все эти (и многие другие) перипетии, принципы организации имперского тела Византии и условия вхождения народов в состав титульной нации долгое время не претерпевали никаких существенных изменений. Единственный идейный сбой имперская концепция дала за столетие до падения Византии в 1453 г. Византийцы вдруг вспомнили, что они не римляне, а этнические *эллины* – слово, ругательное до последнего времени и традиционно обозначавшее греков - не христиан. На протяжении некоторого времени стало модным обращаться друг к другу с именованием «эллин», широкое хождение получили античные греческие авторы и эллинские обычаи. Имперские традиции откровенно высмеивались и повсеместно отрицались. Византийцам предлагалось восстановить свою национальную исключительность, чтобы Империя могла выжить. Впрочем, националистические настроения были распространены исключительно в кругу высшей аристократии. Тем не менее, эти советы, конечно, не прибавили Римской империи жизни.

Византия погибла не потому, что у нее поздно сформировалась титульная нация, как считал Л.А. Тихомиров, а оттого, что эта нация стала исчезать. Имперское понятие «римлянин» уходило в забвение, заменяясь на этническую категорию «грек». Империя умирала и телом, и духом, а остатки имперского народа спешно и себе на погибель пытались создать *национальное государство эллинов*. Весь строй Империи противоречил реставрации старых античных представлений о государстве, и имперский дух

²⁸Флоринский Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888. С.4, 5.

²⁹Дворник Франтишек. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С.150, 151.

³⁰Васильев А.А. История Византийской империи. В 2 т. Т.2. СПб., 1998. С.315-317.

постепенно привел к жесточайшему внутреннему кризису между царской властью, *импералистичной* по своей природе, и Константинопольским патриархатом, уже с IX века ведущим пронациональную политику, хотя глава Константинопольской церкви и имел имперский титул «Вселенский патриарх».

С полным основанием нужно сказать, что национальное государство стало тем врагом, который убивал Византию изнутри, когда стены Константинополя осаждали враги внешние.

III. Западная империя

Легко понять, почему, невзирая на потерю западной части Священной Римской империи, византийцы многие столетия сохранили верность своей имперской идеологии: тысячелетняя традиция и опыт пребывания в лоне Кафолической Церкви помогли преодолеть и эту скорбную утрату. Да, земли, с великим трудом отвоеванные у остготов, вскоре попали в руки франков и лангобардов. Однако византийцы не считали их потерянными – временно их оккупировали варвары, но права на эти территории принадлежали исключительно Римскому императору. И в привычной для себя манере византийцы либо пытались выстроить союзнические отношения с завоевателями, либо периодически вступали с ними в военные столкновения, если дипломатия давала сбой.

Но вот что любопытно: завоевав большую часть западных провинций Византии, германцы вовсе не собирались разрушать Империю и не спешили создавать собственные национальные государства. Правильнее сказать, они просто не мыслили себе политическую жизнь в иных формах, кроме имперской. Вечная, никогда не исчезающая Римская империя являлась для всех без исключения современников, в том числе германцев, непосредственным творением Бога - бессмертным, вечным и беспрецедентным по своей природе. К слову сказать, у германцев были распространены собственные толкования на известное пророчество Даниила, из которого они выводили вечность Римской империи и города Рима. И их могущественные вожди считали великой честью признать свое подданство у Римского императора, хотя бы тот и располагался в далеком от них Константинополе³¹.

Правда, лангобарды, вторгнувшись в Италию после уничтожения римлянами остготов, создали независимое от Византии *Лангобардское королевство*. Однако и здесь все обстояло неоднозначно: лангобарды разрывались между желанием сохранить заявленный ими суверенитет и мощнейшим цивилизационным притяжением Византийской империи. Более того, в отдельные минуты лангобарды заявляли претензии на то, чтобы стать титульной нацией Римской империи (!). Разумеется, у них и в мыслях не было уничтожить ее. Впрочем, существовало Лангобардское государство

³¹Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С.354.

совсем немного – всего два века, а затем было развеяно ветром истории, дувшим со стороны франков.

Это историческое племя впоследствии дало жизнь основным политическим союзам Западной Европы. Но в начале своего славного пути франки, имея собственную королевскую династию и зная порядок престолонаследия от отца к сыну, не отличались политической самостоятельностью. Они совершенно не стремились к обособлению от Византии и созданию собственного национального государства. Впрочем, и признавать себя «византийцами» франки также не желали: ни при каких обстоятельствах гордые германцы не позволили бы Константинополю вторгаться в свои внутренние дела. Тем более, отказываться от приобретенных вследствие завоевания в Италии у лангобардов земель – понятно, что о потерянной столетиями раньше Галлии речь уже просто не шла.

Задача политического объединения была франкам совершенно чужда. Иногда, очень редко, всей франкской Галлией правил кто-то один из королевской династии Меровингов. Но и в такие относительно редкие периоды времени короли проявляли удивительный индифферентизм к фактам полной независимости своих вассалов. Так, король *Хлотарь II* (584-629) предоставил полную независимость австразийским франкам, совершенно не вмешиваясь в их дела. А затем отправил своего малолетнего сына, будущего короля *Дагоберта* (629-639), жить под опекой австразийских магнатов Пипина из Ландена и Арнульфа из Мены, нимало не смущаясь тем, что по достижении совершеннолетия его наследник будет совершенно равнодушен к делам остальной Галлии. Приблизительно так и получилось: став королем, Дагоберт передал своему старшему сыну *Сигеберту III* (632-656) Австрию (нынешнюю Австрию), а другому сыну, *Хлотарю III* (657-673), Нейстрию и Бургундию. Королевская власть, оставаясь в идеале единой, расчленилась³².

Шли годы, но ничего не менялось. И после смерти в 737 г. короля *Теодериха IV* (721-737) его мажордом (управляющий делами) *Карл Мартелл* (686-741) 4 года правил королевством самостоятельно, нисколько не претендуя на властные инсигнии. А затем разделил Франконию между двумя своими сыновьями, нимало не заботясь о судьбе королевства: частности значили для него большее, чем целое³³.

Решительные изменения произошли с началом правления *Карла Великого* (768-814). Он последовательно разгромил лангобардов, а затем в ходе 30-летней войны подчинил себе саксов (эстфальцев и вестфальцев) и остальные соседние германские племена. В отличие от своих предшественников, Карл весьма ревниво относился к вопросу единоличности собственной власти среди франков и не оставлял конкурентам никаких шансов, немедленно гася огоньки местного суверенитета.

³²Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. СПб., 2002. С.106, 110.

³³Там же. С.118.

Его владения были чрезвычайно обширны, но, даже находясь на пике своего успеха, Карл Великий не решался заявлять о самостоятельном статусе, предпочитая называться «управляющим Западной империей» (*Imperium Romanum gubernans*). При всем том, что все признаки государственности в державе франков были налицо: они обладали собственным законодательством, в том числе налоговым, а их король с полным правом стоял во главе церковного управления Западной церкви; сами папы находились в его власти.

По всем внешним признакам Франкония была государством, но... государством не являлась; тем более, национальным. Она представляла собой территорию, *называвшуюся так* по имени захвативших ее франков, но разделенную на множество государствовподобных образований, над которыми стоял Франкский король, сила и власть которого разнились по времени от множества субъективных и объективных обстоятельств. Достаточно сказать, что помимо привычных титулов Карл Великий называл себя еще и *королем лангобардов* (с 774 г.), конечно, нисколько не думая о том, что лангобарды когда-нибудь смогут стать франками. Именовался он также и герцогом Бургундским (с 788 г.) – обстоятельство, подчеркивающее тот факт, что титулатура Карла Великого складывалась мозаично по мере завоевания новых территорий. Не руководствуясь никакими высокими материями и, тем более, этническими вопросами, Карл в 781 г. учредил для своего сына Карломана *королевство Италию*, заставив папу освятить это нововведение, резко ограничивающее права понтифика на полуострове³⁴.

Несмотря на увещевания отдельных лиц из ближнего окружения, вместо строительства национального государства великий франк искал путей воссоединения с восточной частью Римской империи. В 782 г. возникла идея брачного союза между его дочерью Ротрудой и юным Византийским императором *Константином VI* (780-797). Договорившись по существу, стороны обручили своих детей, а императрица *святая Ирина* (797-802) приказала придворному евнуху обучить Франкскую принцессу греческому языку, традициям и законам Римской империи³⁵. Обряд обручения прошел в самом Риме, как традиционной столице Римской империи, в присутствии представителей сторон. И хотя в 788 г., спустя всего 6 лет, этот союз по инициативе византийской стороны был расторгнут, Карл не оставлял мыслей соединить западную и восточную части Империи. Впрочем, уже под своей властью. Осенью 802 г. в Константинополь прибыло франкское посольство с предложением к св. Ирине сочетаться браком с их королем. Однако смещение императрицы вследствие дворцового заговора расстроило этот план – возможно, далеко не бесперспективный.

³⁴Лебек Стефан. Происхождение франков. М., 1993. С.267, 268.

³⁵Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта// Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Прииск Понтийский. Сказания Прииска Понтийского. Рязань, 2005. С.390.

Даже коронация Карла Великого в Риме папой *Львом III* (795-816) императорской короной 25 декабря 800 г. ничего не изменила в этом отношении. Хотя кто-то из окружения Римского епископа даже пустил идею о том, что это событие знаменует собой восстановление Священной Римской империи в прежних ее пределах («*Renovatio Romani Imperii*»), Карл по-прежнему в юридических актах именовал себя королем франков и лангобардов, хотя иногда добавлял и императорский титул. Он был по выражению одного автора «*императором понарошку*»³⁶.

Отметим любопытную деталь, наглядно иллюстрирующую состояние сознания франков того времени. Чтобы подтвердить права Карла на императорское достоинство, на Западе продолжали вести исчисление времени по годам царствования Римских императоров, и в этом списке после царя Константина VI значится не св. Ирина, а... Карл Великий³⁷.

Святая Ирина и Карл Великий ушли в иной мир, так и не прояснив главный вопрос современности: кто из них является *настоящим* императором. За Византийской государыней стояла, собственно говоря, сама Римская империя, Восточная церковь и христианские политические традиции. За спиной Карла возвышалась Римская церковь, твердившая, что женщина не вправе наследовать императорский трон, и военная мощь франков. Но в любом случае единство Римской империи казалось безусловным фактом для обеих сторон.

По-видимому, этим и объясняется внутренняя слабость Франконии – она не была ни Империей, ни национальным государством, но зато имела своего императора и широко выплескивалась за границы проживания франкского племени. А потому смерть первого *неримского* императора привела Запад к скорому кризису. Первое время его сын, новый Западный император *Людвиг I Благочестивый* (814-840), пытался удержать в своих руках тело Франкской державы, определив ее статус как имперский и создав, таким образом, *вторую* Империю. В 817 г. он издал документ, известный как «*Ordinatio Imperii*» («Устройство империи»), а себя велел именовать гордым титулом «*Divina Ordinante Providential Imperator Augustus*» («Император август, правящий по Божественному провидению»). Но второй Римской империи существовать в природе не могло, в чем Франкский король вскоре убедится сам.

Озабоченный целостностью своей державы, Людвиг не собирался разделять франкскую землю между сыновьями, но предусмотрел иную конструкцию. По его плану старший сын Лотарь должен был получить императорский титул и наибольшую часть Западной империи, Пипину доставалась королевство Аквитания, Тулузская марка и часть Бургундии, а Людовику Немецкому – Бавария. Бернард, племянник благочестивого короля, становился правителем Италии. Все они были обязаны ежегодно присягать Лотарю и подносить ему подарки, как своему сюзерену, и не вести войн без

³⁶Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. С.152.

³⁷Васильев А.А. История Византийской империи. В 2 т. Т.1. СПб., 1998. С.358.

его согласия. Более того, эти королевства отходили бы в непосредственное владение Западного императора в случае их преждевременной смерти, останься они без наследников. Но все же, этих королей нельзя было назвать простыми наместниками, поскольку они сохраняли свою независимость от Лотаря. Это был смелый план и гораздо более «имперский», чем административно-политическое устройство Франконии времен Карла Великого. Но мечтам Людовика не суждено будет сбыться³⁸.

Не отвлекаясь на ход тех мрачных исторических событий, скажем лишь, что в скором времени возникло жесткое противостояние между королем и его сыновьями, переросшее затем после смерти отца в жесточайшую борьбу уже между отпрысками Людовика Благочестивого. В борьбе за свои «права» Карл Лысый и Людовик Немецкий объединились против Лотаря и в 841 г. дали ему сражение при Фонтенуа-ан-Пюизе. Битва была жестокая и стоила многих жертв – говорят, с обеих сторон погибло более 30 тыс. франков; в итоге император *Лотарь I* (840-855) был разбит. Победители разделили между собой Западную империю, и 14 февраля 842 г. в Страсбурге подписали соответствующий договор³⁹.

Однако вскоре Лотарь I был вынужден составить с братьями новое соглашение о разделе Западной империи. Переговоры, предшествующие подписанию договора, длились долго. Помимо других вопросов возникли сложности с описанием границ – течение рек, всегда являющиеся естественными ориентирами в подобных случаях, не совпадало с теми планами, которые чертили договаривающиеся стороны. Примечательно, что языковые различия и национальные особенности вовсе не принимались во внимание при разделе земель⁴⁰.

Соглашение было заключено в Вердене в августе 843 г. Лотарю I отошла Италия и титул императора, Карл получил Аквитанию, Септиманию, Испанскую марку, часть Бургундии, всю Нейстрию, Бретань, Фландрию. Людовику Немецкому отошли Зарейнская Германия, часть Швейцарии и Австрийский Тироль. Поскольку никакие объективные соображения не клались в расчет при разделе Западной империи, ни восточные, ни западные франки не переставали обращать свой взор на богатые области, неожиданно оказавшиеся между ними. По справедливому утверждению одного историка, традиционная вражда между Францией и Германией не старше Верденского договора⁴¹.

Западная империя распалась, но не на национальные государства, а на так называемые «племенные герцогства». В свою очередь, герцогства состояли под королевской властью государей Восточнофранкского и Западнофранкского королевства. Причем со временем главенствующую роль

³⁸Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. С.159, 160.

³⁹Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. С.463.

⁴⁰Rapp Франсис. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2008. С.21.

⁴¹Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. С.165.

начали играть уже не франки и потомки Каролингов, а саксы, чьи вожди довольно успешно справлялись с агрессией венгров – новым бичом Европы⁴².

В последующие годы процесс распада Западной державы только набирал обороты. После смерти Лотаря I в 855 г. каждый из его сыновей получил по наделу. Людовику досталась Италия и *номинальная* императорская корона. Карлу – Прованс, Лотарю Младшему – земли от Вогез до Северного моря, названные в его честь Лотарингией. В Западной Франконии уже при жизни Карлы Лысого один мятеж сменял другой. Аквитания вышла из-под его власти и объявила о своей самостоятельности как независимое королевство. После 843 г. в течение короткого времени еще 5 раз (!) будут составляться новые и новые договоры о разделе империи Карла Великого, которой попросту не стало.

Но это вовсе не означало, что у властителей Запада угас имперский дух и они отказались от заветной мечты Карла Великого объединить под своей властью всю Римскую империю. В 870 г. по одному частному поводу разгорелся спор между *Людовиком II Немецким* (843 — 876) и Византийским императором *Василием I Македонянином* (867-886). Франк отправил в Константинополь пространное письмо, в котором попытался обосновать ту мысль, что *именно он* является единственным законным наследником короны правителей Священной Римской империи.

«Вызывает смех, что ты говоришь по поводу императорского титула, будто он не свойственен ни моим предкам, ни народу, когда известно, что Римские императоры происходили и из испанцев, и исаврийцев, и хазар. Ты удивляешься, почему мы называемся не Франкскими, а Римскими императорами? Но, не будучи Римским императором, я не мог быть и Франкским. Это имя и достоинство мы приняли от римлян, ибо Франкские вожди назывались сначала королями, а потом императорами, именно те, кто которые помазаны были от руки Римского епископа»⁴³. Характерное и очень ценное для нас признание.

Но после кончины Людовика II Немецкого Восточную Франкию ждала та же участь: Карломан унаследовал Баварию, Карл Толстый – Алеманию, Людовик Дитя – Саксонию, Тюрингию и Франконию⁴⁴. Увы, династию Каролингов ждала печальная будущность: отпрыски Карла Великого один за другим умирали в молодом возрасте или рождались с тяжелыми болезнями. *Карломан II* (879-884), старший из сыновей Людовика Немецкого, в 35 лет был разбит параличом и через два года отрекся от престола. В 880 г. у его брата – *Людовика III Дитя* (835-882) в 33 года также обнаружили признаки тяжелого недуга, и он скончался в 882 г. Папа *Марин I* (882-884) спешно венчал императором *Карла Толстого* (884-887) - еще одного сына Людовика

⁴²Флекенштайн Йозеф, Бульст-Тиле Мария Луиза, Йордан Карл. Священная Римская империя: эпоха становления. Глава 1.

⁴³Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т.5. М., 2002. С.141-143.

⁴⁴Ранн Франсис. Священная Римская империя германской нации. 22, 23.

Немецкого. Но новый владыка Западной империи в 887 г. сильно заболел, отказался от императорской короны и вскоре скончался от инсульта⁴⁵.

Возникла парадоксальная с точки зрения правоведения ситуация – *формально* Западная империя существовала, и множество политических образований на ее территории, включая королевство Италия, не претендовали на статус государства в привычном для нас понимании. Короны остальных западных государей являлись всего лишь *титулами*, позволяющими определить место их носителей в иерархии властной пирамиды. Однако они не могли быть положены в основание политической самостоятельности. Помимо королей существовали еще герцоги и бароны, графы и маркизы. Все состояли друг по отношению к другу в определенной зависимости, но на вершине этой пирамиды блистал император. Пусть обладавший номинальной с политической точки зрения властью, но зато зримо являвший образ Империи. Без императора не могло быть королей, как, в свою очередь, без королей рушились остальные, низшие ступени социальной иерархии. Герцог обязан был присягать на верность какому-нибудь монарху, иначе, вассал без господина, он становился фикцией, *ничем*. Императорская корона не стоила ничего, но она по-прежнему являлась основанием всего политического быта Западной Европы.

При внешней анархии соблюдалась, тем не менее, строгая иерархия титулов, нашедшая свое основание в таинстве коронации и помазания на власть. Начиная с Карла Великого, все его преемники единственно помазывались как императоры священным елеем непосредственно Римским папой, или в редких случаях его представителем. И ни один король, включая таких авторитетных правителей, как властители Франции и Англии, не пытался претендовать на совершении данного обряда над собой. Они были королями, но не императорами – император мыслился исключительно в единственном лице. В свою очередь, ни один герцог или граф не чаяли примерить на себя королевские инсигнии.

И эта сложная система государственного устройства Западной Европы по-прежнему весьма слабо ориентировалась на национальное начало. В свою очередь, королевства, существующие под сенью имперской идеи, сохраняли независимость от императора в той мере, в какой это позволяли обстоятельства. Сильные образования – Англия и Франция, Аквитания, Фландрия и Бургундия, так же точно не позволяли императорам вмешиваться в их внутренние дела, как и ранее Каролинги ревностно оберегали от Константинополя свои политические права.

Но и эти «тяжеловесы» Средневековья национальными государствами не являлись. Справедливо отмечают, что Франция последних Каролингов и первых Капетингов не совпадала с территорией ни современной Франции, ни римской Галлии. Сама Франция не представляла собой конкретного государства: хотя существовал Французский король, понятие «сеньории» в сознании людей того времени вытеснило понятие «государство». Границ как

⁴⁵Альфан Луи. Великие империи варваров. М., 2006. С.214.

таковых просто не существовало, и очень долго, как и очень часто, население не знало, проживает оно на территории Западной Римской империи или Французского королевства.

Кому принадлежало то или иное графство или герцогство решала не национальная принадлежность, а сугубо феодально-правовые понятия. Можно было быть вассалом Французского короля, но не являться его подданным – как, например, графы Фландрии, Шалони, Валентинуа, Прованса. Графы Шампани целое столетие являлись вассалами Западной империи и лично германских Гогенштауфенов по трем французским владениям, и король Франции не имел по отношению к ним никаких феодальных прав, хотя и здесь назывался королем. Аналогично этому по некоторым своим континентальным владениям Английский король являлся вассалом Французского короля⁴⁶.

С течением времени представители династии Каролингов, родовые франки, все более и более утрачивали влияние на политическую жизнь Запада. Но очевидная слабость Каролингов вовсе не означала, что идея Империи оказалась позабытой. Просто теперь она нашла себе того проводника, который по своим качествам наиболее соответствовал этому статусу.

Вследствие слабости правящей династии, в ноябре 911 г. франки собрались в Форхгейме и избрали новым королем *Конрада* (911-918), проигнорировав наличие в Западнофранкской державе потенциального преемника из рода Каролингов. Новый король попытался лишить власти Генриха, сына Саксонского герцога *Оттона Сиятельного* (880-912), но потерпел поражение от саксонцев. В результате Саксонский герцог получил относительную самостоятельность. Вслед за Саксонией началось отпадение от Франконии Швабии и Баварии. И хотя синод германских епископов в Хознальгхейме в 916 г. встал на сторону франков, им суждено было смириться с тем фактом, что Саксония, Бавария и Швабия стали племенными герцогствами, руководимыми своими правителями. Королю Конраду, скончавшемуся в 918 г., пришлось до самой смерти довольствоваться своим племенным герцогством Франкония, не более того⁴⁷.

В мае 919 г. состоялось уже совместное собрание саксов и франков, где *Генрих I* (919-936) был представлен в качестве нового короля Восточнофранкской державы. Ему противостояли свободные короли Баварии и Швабии, которых германцы избрали в виде противовеса саксам. Однако в скором времени швабы без вооруженного сопротивления признали власть Генриха I. Затем саксонец заявил претензии на исконные земли франков. В 920 г. он вторгся в Лотарингию, ранее отделившуюся к Западнофранкской державе, и присоединил ее к своим владениям. Король *Карл III*

⁴⁶*Пти-Дютайн Шарль*. Феодальная монархия во Франции и в Англии X – XIII вв. Минск, 2010. С.9-11.

⁴⁷*Флекенштайн Йозеф, Бульст-Тиле Мария Луиза, Йордан Карл*. Священная Римская империя: эпоха становления. Глава 2.

Простоватый (898-922) попытался защитить эти земли, но силы были равны; 7 ноября 921 г. он и Генрих заключили соглашение, согласно которому первый был назван королем западных франков («*rex Frankorum occidentaliū*»), а второй – королем восточных франков («*rex Frankorum orientaliū*»). Таким образом, впервые молодое германское государство, *саксонское* в своей основе, получило международное признание⁴⁸.

Со временем Саксонская династия стала столь мощной, что Генрих I рискнул в оскорбительной форме отказаться от выплаты дани венграм, которых затем разбил в 933 г. Когда Генрих, наконец, скончался 2 июля 936 г., он был назван современниками «величайшим королем Европы» («*maximus regnum Europae*»)⁴⁹.

В полном пренебрежении с традициями Каролингов, покойный государь не стал дробить свою державу между сыновьями, но назначил единственным наследником и преемником младшего сына Оттона. Незадолго до смерти Генрих созвал «*хофтаг*» («придворное собрание») в Эрфурте, где получил согласие остальных магнатов на передачу власти сыну. В соответствии с этой договоренностью 7 августа 936 г. *Оттон I Великий* (936-973) был избран королем⁵⁰. А 2 февраля 962 г. папа торжественно короновал его императором Западной Римской империи и принес ему клятву верности. Начиналась новая страница в истории Западной Европы⁵¹.

В 962 г. Оттон Великий восстановил Западную Римскую империю и принял титул *Imperator Romanorum et Francorum* («император римлян и франков»). Но еще более категорично свои права на императорство всей Римской империи заявил царственный внук великого саксонца *Оттон III* (983-1002). После процедуры коронации потомок Византийских самодержцев (по матери) и Германских королей (по отцу) без всяких внутренних колебаний велел именовать себя «Августейшим императором римлян» («*Romanorum imperator augustum*»). На королевских документах вместо восковой печати теперь подвешивался свинцовый медальон, на одной стороне которого была изображена голова Карла Великого, а на другой – щит со знаменем и надписью: «*Renovatio imperii Romanorum*» («Возрождение Римской империи»). Чуть позже была изготовлена печать самого Оттона III с надписью «*Aurea Roma*» («Золотой Рим»)⁵².

В горячих мечтах Оттону III рисовалась восстановленная в прежних размерах Священная Римская империя. Остальные земли, населенные христианскими народами, но не вошедший в состав его Империи, должны

⁴⁸Там же. Глава 4.

⁴⁹Там же. Глава 6.

⁵⁰Там же. Глава 7.

⁵¹*Rapp Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С.65, 66.

⁵²*Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность.

были стать союзниками римлян («*amici et socii populi Romani*»)⁵³. Глубокий почитатель византийской политической мысли и стратегии Карла Великого, Оттон III четко разделял политический статус королевств и Империи. Помимо королевской администрации повсеместно создавалась администрация имперская, подчиненная непосредственно императору. Сохранив особый статус Ахену – любимому городу первого императора Запада, Оттон III вознамерился сделать Рим столицей возрожденной Римской империи. Помимо консолидации германских земель, Оттон III обращал деятельное внимание на Восток, желая распространить свое, имперское влияние на страны, лежащие на границе с его государством.

В 1000 г. он демонстративно приобщил к Западной империи Польшу, а Польский король *Болеслав I Храбрый* (992-1025) получил титулы «брат и соратник Империи» («*frater et cooperator imperii*») и «друг римского народа» («*amicus populi Romani*»). Кроме того, с разрешения императора Польша получила собственную церковную организацию, независимую от Германской церкви, зато напрямую завязанную на Римскую кафедру. Годом позже, в 1001 г., аналогичная акция была проведена в Венгрии. Следует особенно отметить, что политика императора Оттона III была активно поддержана Апостольской кафедрой, искренне заинтересованной в восстановлении территориальной целостности Римской империи. При этом сами папы ставились императором на кафедру без каких-либо попыток хоть как-то закамуфлировать зависимость Римской церкви от политической власти – Оттон III и здесь точно копировал практику Византийских царей и Карла Великого. Правда, самому ему не удалось реализовать свой идеал – 24 января 1002 г. Оттон III внезапно скончался, но его преемники последовательно шли в этом направлении⁵⁴.

Эта политическая конструкция «*имперской конфедерации*», если можно так выразиться, была чрезвычайно долго распространена на Западе. Еще в XI, XII и даже в XIII веках королевство Франция представляло собой всего лишь теоретическую совокупность различных княжеств и герцогств; единого политического общества, как такового, просто не существовало. Когда Французский король *Людвиг VI Толстый* (1108-1137) попытался поставить своего кандидата на Фландрию, его быстро отрезвили: «Король Франции не имеет никакого права на избрание графа Фландрского». Столь же неудачной была его попытка водворить своего ставленника на место герцога Нормандии. Впрочем, такое положение дел нельзя квалифицировать и как состояние анархии: везде существовали суды и местное управление, законы и налоги, аккуратно и строго взыскиваемые в пользу казны, и даже парламент⁵⁵.

⁵³*Ранн Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С.79.

⁵⁴*Флекенштайн Йозеф, Бульст-Тиле Мария Луиза, Йордан Карл*. Священная Римская империя: эпоха становления. Глава 17.

⁵⁵*Пти-Дютайн Шарль*. Феодалная монархия во Франции и в Англии X – XIII вв. С.32, 75.

Аналогично обстояли дела и в Англии, где лишь в IX веке образовалось монархическое и национальное единство – хотя и ненадолго, до вторжения Вильгельма Завоевателя и злосчастной для англосаксов битвы в 1066 г. при Гастингсе. А до этого на территории Англии существовало как минимум 7 государств, которые вели друг с другом ожесточеннейшую борьбу. Наконец, в IX столетии верх взяло королевство Уэссекское, правитель которого *Альфред Великий* (871-900) именовал себя «королем англов» и даже «василевсом», «*Imperator Augustus*»⁵⁶. Но затем еще в течение нескольких столетий французы и англичане отделяли друг друга в постоянных столкновениях и дипломатических баталиях.

Почти до окончания Столетней войны (1337-1453 гг.) длился процесс постепенного распада Западной империи и появления на свет полноценных и уже *национальных* государств. Западная империя умирала, и тому было несколько причин. Главная заключалась в том, что универсальная власть Западного императора изначально покоилась на универсальной власти Римокатолической церкви, его праматери. Религиозный кризис, потрясший католический мир в XIII веке, постепенно переросший в движения, возвещающие скорую Реформацию, резко снизил авторитет Римского епископа, и, как следствие, подорвал основания власти Западного императора.

Кроме того, складывающийся характер отношений внутри Западной империи, довлевшей над национальным духом, вынуждал западные народы к суверенной определенности. Как ни странно, но последними защитниками Западной империи оказались Римские папы, столетиями боровшиеся с императорами во имя всемирного господства Апостольской кафедры. Но теперь и им стало ясно, что идея восстановления единой Вселенской державы совершенно абсурдна. Более того, возникло небезосновательное опасение, что, став последним идейным защитником Империи, папство может совершить акт публичного самоубийства⁵⁷. В конце концов, всем пришлось примириться с тем фактом, что наряду и помимо Западной империи существуют некоторые национальные государства.

Решительные изменения претерпела и сама Западная империя. Перманентный процесс разложения единого политического тела на автономные политические образования со временем привел к тому, что Западная Римская империя стала ассоциироваться с одной нацией. Уже после 1430 г. все чаще и чаще в официальных документах встречается словосочетание «*deutsche Lande*» («немецкие земли»). Но поскольку сюда попадали помимо германцев еще венгры, скандинавы и поляки, допускалось уточнение – «*Alemanica nation*», «германская нация». В 1441 г. в документах были объединены понятия «*Sacrum Imperium*» («Священная империя») и «*germanica nation*» («германская нация»). А в 1486 г. впервые появилось

⁵⁶Там же. С.37.

⁵⁷*Рансимен С.* Сицилийская вечеря. История Средиземноморья в XIII веке. СПб., 2007. С. 36, 37.

официальное наименование - *Священная Римская империя германской нации* («*Heiliges Romisches Reich deutscher Nation*»).

И хотя эта Империя состояла из этнических немцев, как титульной нации, далеко не все германские политические союзы вошли в нее; многие из них образовали собственные *карликовые* государства. Зато негерманские народы, во множестве проживавшие на территории Западной империи, влачили жалкое существование на второсортных ролях. По сравнению с блистательной Византией это было резким шагом назад. Резко возросла ксенофобия, и вскоре у немцев начала открыто проявляться антипатия к французам и итальянцам – разумеется, реакция этих наций была соответствующей. Появились *немецкие* пророчества, согласно которым Германия должна взять на себя руководящую роль в мире и однажды снова завладеет им, когда избереет сильного императора, реформирует Церковь и выберет папу не в Риме, а в Майнце, заменив *Ecclesia Romana* («Римская церковь») на *Ecclesia Germanica* («Германская церковь»)⁵⁸.

Здесь много поводов для размышления. И то, что с появлением *национальной империи* на Западе сама идея этого феноменального политического устройства подверглась жесткой ревизии. И тот факт, что падение «Второго Рима» состоялось накануне рождения «Третьего Рима» - Римская империя не откатилась на Запад, она нашла себе преемника на Востоке.

IV. Российская империя и империи Запада; некоторые особенности имперской политики

«Святая Русь» не без труда приняла имперскую форму, хотя непосредственно пребывала в ней с самых истоков своего рождения. Разумеется, было бы совершенно неоправданно искать прямых тождеств между Русью и Римской империей – история не знает повторений. Византия, как христианская держава, возникла *изначально* в виде империи. Россия же формировалась как периферийная, с точки зрения византийцев, страна, к тому же на протяжении нескольких столетий фактически утратившая свою самостоятельность и раздираемая внутренними междоусобицами. Понятно, что и процесс формирования титульной нации (русской или великорусской) происходил качественно иначе, чем у ее великой предшественницы. На протяжении веков Русские княжества не являлись национальными государствами в привычном для нас смысле, да и сама Русь не была единым государством. Тоже аморфное состояние, которое мы видели на Западе, которое издавна цементировала императорская власть Византии и Вселенский патриарх в Константинополе, регулярно направлявший на Север архиереев для управления русскими епархиями.

Мощнейшие в военном отношении правители, Русские князья, тем не менее, именовали себя по-гречески «архонтес Росиас» и были убеждены в

⁵⁸ *Rapp Франсис*. Священная Римская империя германской нации. С.336-338.

том, что Римский император занимает главенствующее положение в христианском мире. Хотя Константинополь никогда не посягал на суверенитет князей, все они наперед обязывались хранить верность императору. И эта конструкция никогда не носила сугубо теоретические черты: неоднократно русские поставляли солдат в византийскую армию и принимали участие в походах против врагов Империи⁵⁹. Наиболее памятной в череде совместных военных баталий является битва у Эноса, случившаяся 29 апреля 1091 года. Тогда 5 тысячный отряд русских воинов под командованием Теребовльского князя *Василька Ростиславовича* (1066-1124) в значительной степени предрешил исход сражения между византийским войском под командованием императора Алексея Комнина с печенежской ордой.

Как только Русский князь *Василий I Дмитриевич* (1389-1425) попытался отделить императора, т.е. политическую власть Римской империи, от Церкви, как получил трезвящее послание Константинопольского патриарха *Антония IV* (1389-1390). «Ты говоришь, - писал он Русскому князю, - мы имеем Церковь, а царя не имеем и не помышляем. Это не хорошо. И донныне епископскую хиротонию имеет царь от Церкви и такой же чин и такие же молитвы, и великим помазуется мирром и хиротонисуется царем и самодержцем римлян, то есть всех христиан, и на всяком месте и всеми патриархами и митрополитами и епископами поминается имя царя, где только именуются христиане, чего никак не имеет никто из прочих правителей или местоначальников»⁶⁰.

До последнего дня существования Византии Русь находилась в орбите ее политики под сильнейшим и благотворным цивилизационным влиянием православной Империи. Но «Второй Рим» пал, и Русь осталась одна – как жить? Враждебное окружение иноверцев, систематические нападения мусульманского Востока и католического Запада – все это заставляло Русь оградиться «железным занавесом», единственно способным, как казалось, сохранить в безопасности Церковь и обеспечить независимость государства. Однако, как органическая и неотделимая часть Кафолической Церкви и последний защитник Православия, Россия изначально не могла жить в узких границах национального государства.

Послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея боярину М.Г. Мисюре Минехину (конец XV – начало XVI веков) стало первой точкой обоснования имперской идеологии России. Идеология «третьего Рима» далека от агрессивного настроения – Россия никогда не стремилась насильственно включать в состав своих территорий земли, расположенные поблизости, и принимала лишь те народы, которые сами желали объединиться с ней. Разумеется, покорение Казанского ханства, возврат Ливонии и южных территорий были вынужденными мерами, но и в этих

⁵⁹Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 238, 247.

⁶⁰Цит. по: Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1913. С. 90.

случаях экспансия носила удивительно мирный, поистине христианский характер. Идея последнего хранителя Православия, скорее, покоилась на сознании грядущей всемирной катастрофы, на понимании непосильной тяжести бремени, которое Россия приняла на себя как последняя Православная держава⁶¹.

Нельзя отказать себе в удовольствии привести блистательные слова *святителя Филарета (Дроздова)* – (1782-1867): «Верует Российское царство, что владеет Вышним царством человеческим; и, неотступно держась верою и упованием Всемощного сего Владыки, от Него прияло мощь, дабы, не колеблясь удержать на раменах своих всю тяжесть своего бедствия, когда всеми земными силами было или боримо, или оставляемо»⁶².

Расширение территории Руси вольно или невольно подталкивало наше Отечество к поиску своего места в христианском мире и к интеграции в среду европейских народов. Со временем это привело к рождению *Российской империи*, которая продолжала жить идеей «Святой Руси» и православного царя, обретя в этом промыслительный смысл своего существования⁶³.

Внешняя среда обитания Российской империи и сама история ее образования породили многие трудности. Византия была праматерью христианской цивилизацией, а потому, даже ненавидя, все народы Запада восхищались ей. Однако в их глазах «Святая Русь» была лишь наследницей «схизматиков», отсталое, дикое в культурном отношении царство, расположенное где-то на Востоке среди угорских лесов и татарских степей. Долгое время Русь находилась вне сферы интересов политики главных европейских держав и совершенно не пользовалась международным авторитетом. Отдельные разовые попытки России выйти за свои западные границы, как, например, во времена царя *Иоанна Васильевича Грозного* (1547-1584), заканчивались тем, что вся Европа, на время презрев свои религиозные разногласия, объединялась с целью не допустить этого результата. Война с Ливонским орденом закончилась тем, что в 1560 г. Польша, Литва, Германия, Англия, Испания, Дания и Швеция объединили свои усилия, дабы поставить на колени строптивую Русь. И это им почти удалось: нет, русское войско не было уничтожено, но в силу громадных людских, территориальных и финансовых потерь Русский царь был вынужден идти на не вполне выгодные для России условия мирного договора.

Чтобы выживать – в буквальном смысле этого слова – и сохраниться в лоне христианской цивилизации, России пришлось стать европейской

⁶¹Асмус Валентин, протоиерей. Принципы богословского подхода к истории. С. 174.

⁶²Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне с французами 1812 года. С. 129.

⁶³Константин (Зайцев), архимандрит. Империя Российская и Святая Русь//«Чудо русской истории». М., 2000. С. 239.

Державой. Со всеми, разумеется, положительными и отрицательными последствиями. Это было неизбежно, поскольку величие России как Империи косвенно или напрямую подчеркивало величие Православной веры. И обеспечивало, как минимум, равенство ее носителей в сравнении с представителями Римо-католической и протестантской церквей. Не говоря уже о том, что исключительно за счет этого становилось возможным само существование Православной Церкви в странах Запада и на мусульманском Востоке.

Император *Петр I* (1682-1725) не только искал технического совершенства Запада, как о том много и справедливо пишут. Он создавал те политические формы, пребывая в которых «Святая Русь» единственно могла преодолеть свой «московский национализм» и подготовить основу для миссионерства среди бесчисленных и диких народов, проживавших на ее территории. Иными словами, обеспечить *земной* Церкви выполнение той задачи, на которую ее подвиг Спаситель. Нередко говорят, что Российская империя убила «Святую Русь», но при этом совершенно упускают из вида тот факт, что последний защитник Вселенского Православия, хранитель веры, *физически* не мог (да и не может) существовать в форме национального государства.

Как и Византия, Российская империя имела свою титульную нацию – *русских*, и также как раньше, это понятие было слабо ориентировано на этнические критерии. Под «русским» понимали всякого человека, проживавшего на территории России, имевшего публичные обязанности перед государством, лояльного верховной власти, и состоявшего в лоне Православной Церкви. Но в отличие от Византии и Московской Руси, где подобное явление категорически не допускалось (римлянином, как и московским русским, мог быть только *православный человек*), в Российской империи сохранился многочисленный слой иноверцев, чья свобода совести обеспечивалась государством. Они были русскими подданными, не являясь этническими русскими и христианами. Это обстоятельство, также не имеющее однозначной оценки, наложило свой отпечаток на последующую политическую историю России.

Иногда говорят, что Российские императоры *слишком много* и в ущерб титульной нации уделяли внимания инородцам, и в этом есть своя правда, хотя и не вся. Да, нередко оказывалось, что представители других этнических групп оказывались в привилегированном положении в сравнении с великороссами. Польша и Финляндия имели свое законодательство, а Средняя Азия сохранила собственную социальную структуру. Но возможно ли было присоединить эти территории к России, а ее население привлечь в лоно Православной Церкви иными, насильственными мерами и резким ограничением прав, как это происходило на Западе?

И первым критерием, по которому можно (и нужно) оценивать успехи имперской политики, является миссионерская деятельность Русской Церкви, давшая феноменальные результаты. Разумеется, случались ошибки, как в любом виде человеческой деятельности, во все времена и народы. Но,

конечно, гибель Российской империи обусловила не ее имперская форма и даже не отдельные просчеты правительства, на протяжении столетий обеспечивавшего мирное существование сотен народов, входивших в состав государства. А иные обстоятельства, которые трудно отнести к внутренним факторам.

Акцентируя внимание на том факте, что христианский Восток жил исключительно идеей Империи, обратим свое внимание на Запад, где после гибели Византии имперская идея также не угасла. В разные эпохи, но всегда неизменно, его ведущие державы - Германия, Франция, Англия, Испания, Португалия мыслили свое существование исключительно в форме империи. Исполнительно или нет – в данном случае не суть важно, но Священная Римская империя германской нации не обладала безусловным авторитетом. А потому политическая карта Западной Европы мозаично складывалась из национальных государств, замкнувшихся в своих границах, а также некоторых держав, заявлявших претензии на то, чтобы облечь себя в имперскую форму.

Конечно, их стратегия деятельности больше напоминала древнеримскую «трансляцию власти» - в конкурентном соревновании друг с другом европейские империи в малой степени руководствовались миссионерскими мотивами, хотя и их исключать нельзя. Но для нас важно отметить лишь то, что их расцвет пришелся не на период существования в качестве национального государства, а именно в имперскую эпоху. Достаточно сравнить, кем была Испания при *Филиппе II* (1556-1598) и чем она стала позднее.

Насколько Священная Римская империя германской нации, ведущая из имперских держав Запада, являлась достойной своего статуса – вопрос дискуссионный. Например, по одному авторитетному мнению, Священная Римская империя германской нации не была ни священной, ни римской. Она «была знакома с идеей божественного наместничества императора лишь в туманной форме; причем глубоко погрязшая в феодальных и национальных традициях, она и не пыталась воплотить эту идею»⁶⁴. Но едва ли кто-то станет оспаривать тот факт, что Империя Габсбургов, во-первых, была мощнейшей геополитической фигурой в Европе. А, во-вторых, ее распад в 1806 г. вызвал к жизни ужасные катаклизмы, посеянные на почве этнической неприязни входивших в ее состав народов. Да, Священная Римская империя германской нации держалась на штыках, но не только на них - она несла высочайшую культуру, в том числе и византийскую, которую некогда вобрала в себя, сотням малых этносов. И ее гибель вызвала к жизни еще более жестокие межэтнические конфликты, не утихающие по сей день.

Итак, мы убедились в том, что, начиная с древнейших времен, историю человечества двигали не национальные государства, а империи. И, как мы видели, существование народов в этой феноменальной форме вовсе не

⁶⁴Рансимен С. Византийская теократия// Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С.142.

означало крушение национальной идеи и уничтожение прав титульной нации, создавших ту или иную супердержаву. Империя - не могилищик национальной составляющей. Напротив, подлинный национальный расцвет народов возможен лишь в форме вселенской государственности. Вне Империи носители любого национального сознания *всегда* враждебны остальным этносам, а потому их культура постепенно угасает, замыкаясь в агрессивной убежденности в собственной «непохожести». Империя, конечно, не тождественна Царству Небесному. Но являет собой его прообраз, приучает людей жить по божественным законам, которые действуют в ином, духовном мире. И в этом заключается ее *высшее предназначение*.

Как показывает история, любая империя существует до тех пор, пока не иссякает ее внутренний духовный потенциал, пока имперская культура носит универсальный характер и сохраняет способность интегрировать в себя субкультуры малых этносов. Разумеется, основой для развития и последующей интеграции «малых» культур является культура титульной нации, как более высокая и нравственная по содержанию. В столкновении цивилизаций побеждает более высокий по своему нравственному значению закон, и никакое оружие не сможет заменить его. Даже в тех случаях, когда империя сильна военной мощью, но ее культура не возвышает, а унижает, распад многонациональной державы неизбежно скор.

Конечно, процесс ассимиляции инородцев сложен. Основываясь на историческом опыте тысячелетий, можно сказать, что он никогда не шел по пути искусственного уравнивания имперской культуры и ее носителя с иными мигрантами. Ясно, что такие шаги означали бы добровольное самоубийство империи. Предлагать свою культуру, вычленять и перенимать лучшее, что создано чужим этносом, сохранять и обеспечивать его автономию, одновременно решительно устраняя наиболее одиозные традиции и культы, сдерживающие интеграцию народов и их культур – вот естественный алгоритм имперской политики. Только в этом случае сохраняются условия для развития и самого существования титульной нации и, как следствие, самой имперской культуры.

В отличие от национального государства, титульная нация которого всецело озабоченного тем, чтобы *не допустить* инородца к себе, ревниво взирающего на свои права, народ-творец империи дышит иным духом. Его забота – *уравнять с собой* «малые народы» по мере восприятия ими культуры имперской нации. Иными словами, на первом месте у национального государства стоит власть, а затем уже культура – если, конечно, она выше, чем у покоренных народов. Для империи первейшей является задача *культурного воспитания*, решение которой обеспечивает политическая власть.

Понятно, что мы говорим об идеальной конструкции, которая в действительности имеет различные степени отклонений. Но даже *в худших* своих образчиках империя неизменно предлагала высший тип по сравнению с культурой иных народов, не входящих в состав титульной нации. Да, история закрепления Англии в Индии и Пакистане едва ли напоминают

рождественские истории. Но нельзя забывать и того, что только благодаря английской культуре были искоренены многие ужасающие местные традиции, связанные, в том числе, с человеческими жертвоприношениями.

Аналогичные примеры можно привести из истории испанских и португальских колоний, французских экспедиций в Африке, и германских колониальных владений. Во всех без исключения случаях влияние христианской, европейской цивилизации было чрезвычайно благотворным для местного населения. Как бы это ни звучало банально, имперская политика ведущих держав раскрыла двери для еще вчера диких народов в европейскую цивилизацию, создала предпосылки для бурного роста местного творчества и национального самосознания.

Да, известны сотни примеров агрессивного сопротивления этносов, ни при каких обстоятельствах не желавших ассимилироваться с титульной нацией и отказывавшихся от своих обычаев. А потому уже выпадающих из политической сферы данного государства и своими поступками подписывающих под актом нелояльности к действующей власти. Но в таких ситуациях империя обычно отставляла в сторону культуру и проявляла силу, понимая, что легкомысленное игнорирование опасности неизбежно приведет к подрыву имперской идеи и разрушению имперского быта.

Сказанное позволяет понять, почему после крушения Западной европейцы почувствовали неожиданную пустоту, которую срочно нужно было заполнить, и ощутили шаткость своих прав, которые ранее обеспечивало, хотя и не идеально, имперское правительство. Нечто подобное происходило и в 1453 г. после падения Константинополя, которое современники воспринимали как вселенское бедствие, конец света.

Эпоха постнаполеоновских войн представляла собой настоящий парад национализма. Национальное сознание проснулось повсеместно, чтобы, ощутив свою индивидуальность, с редкостным рвением начать делить территории поверженного колосса. Немецкие философы с присущим им методизмом и научность торопились обосновать абсолютное право на существование национальных политических союзов, а Пруссия постепенно стягивала вокруг себя карликовые государства соседей, дабы в скором времени явить миру другую империю – на этот раз *Германскую*. Австрия Габсбургов разрывалась изнутри, вынужденно уступая часть суверенитета «политическим провинциалам», к которым относил венгров, сербов, хорватов и иных инородцев. Но и это не спасло ее от быстрого политического дряхления, ведущего к неминуемой и скорой гибели. В общем, неожиданно Европа оказалась на краю «вечной войны», которая пришла вместо обещанного *И. Кантом* (1724-1804) «вечного мира».

Сходные явления возникали по всему миру и привели к резкому кризису на других континентах. Волна революций прокатилась по французским, английским, испанским и португальским колониям, рождая новые государства со своей национальной элитой. Как выяснится позднее, это было лишь началом перманентного процесса рождения национальных государств.

Так протекали внешние процессы. А изнутри национальное государство, ставшее теперь на первом месте в общественной системе ценностей, резко усилило давление на личность. Ему пришлось спешно противопоставить убеждение французских мыслителей в том, что «рядом с государством существуют другие сферы общения, что люди, будучи гражданами одного государства, могут быть членами разных других обществ, могут вступать даже в такие общества, членами которых состоят граждане других государств»⁶⁵.

Это «гражданское общество» по мысли его создателей должно было деятельно помогать человеку в борьбе с «левиафаном», которая будет продолжаться до тех пор, пока жив человек и существует само политическое образование. Но оно, как и любое условное понятие, плод человеческой рефлексии, не в состоянии справиться с грузом возложенных на него проблем.

Вторая Мировая война и «Холодная война», завершившаяся распадом СССР, поставили точку в этом, очередном, но не последнем акте развала империй. Безусловно, «век империй» на этом не закончился. Пусть и очень медленно, но сегодня исподволь приходит понимание того, что только в условиях имперского существования человек обладает возможностью существовать свободно без опасения быть раздавленным государственной машиной или опуститься до уровня дикаря и варвара, чей интеллект не дорос до идеи высшей нравственности. Правда, реализовавшись сегодня в образе США, имперская идея почти полностью утратила свою религиозную основу и, как следствие, приобрела языческие агрессивные и элитарные черты.

Христианские империи существовали для человечества – высшая форма жертвования, США живут для себя. Византия, как и Россия, вынужденно воевала почти каждый год, защищая Церковь и ее наследие. В списке достижений Священной Римской империи германской нации также найдутся славные страницы, в том числе, прекращение турецкой экспансии в Европе и защита Римо-католической церкви от готовящегося ей тотального уничтожения. Напротив, США воюют постоянно и инициативно для распространения своего влияния, основываясь на примате «общечеловеческих ценностей». Поскольку же это понятие чрезвычайно аморфно по содержанию и дискретно в отличие от религиозного учения, данная основа внешне и внутривластной деятельности позволяет США грубо попирает права остальных государств и применять принцип «двойных стандартов». Христианские державы неизменно расширяли состав титульной нации за счет иных народов, приобщая их к своей великой культуре. Американская нация *противопоставляет* себя всему человечеству, требуя подстраиваться под себя, но не допуская уравнивания с собой.

Прогнозы, конечно, неблагоприятное дело. Но историческое прошлое имперской идеи едва ли допускает мысль о том, что созданная на сегодня «последняя» империя человечества является таковой в действительности. И

⁶⁵Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 230.

что в скором времени не появится иная Держава, способная восстановить свои прежние традиции и вернуть живущим в ней народам право дышать имперским духом свободы и равенства.

* * * * *

...Автора этих строк могут упрекнуть в том, что в настоящем очерке рассмотрены только империи, принадлежащие к христианской цивилизации. А как же остальные, относящиеся к иным культурно-цивилизационным типам? На это мы предложим заинтересованному читателю самостоятельно исследовать такие исторические феномены, как Арабский халифат, Китайскую империю, государства американского континента и другие политические образования имперского типа в интересующем нас контексте.